

У ПОЭТОВ НЫНЧЕ — ИМЕНИНЫ..

11 января — день рождения одновременно двух поэтов Магнитки: Риммы Дышаленковой и Александра Павлова. Удивительное, просто космическое совпадение.

... А может, и на самом деле в разные годы звезды на небесах намеренно выстраиваются именно таким образом, чтобы в одной точке земного шара под знаком Козерога рождались поэты?

О том, что поэтом можно только родиться, надеюсь, догадывается большинство читателей. Поэт иначе слышит, иначе видит, чувствует, воспринимает и понимает мир, чем окружающие его люди. Этому невозможно научиться за всю жизнь. Этот дар — от рождения, от Бога, как цвет глаз и волос. Это еще — и неснимаемый тяжкий крест ответственности за каждое слово, для обычного человека — неподъемное бремя...

ЗНАНИЕ Поэта безгранично и непостижимо, знак ему — бесконечность. Это невольно понимаешь, слушая Римму Дышаленкову. И потому сказать, что она — энциклопедически образованный человек, значит, не обозначить и половины знаний, открытых поэте. Завидовать такому Знанию бессмысленно не менее, чем завидовать Солнцу, Луне и звездам. Говоря ее же словами, Римма Андрияновна — человек волшебного типа, жизнь которого безраздельно посвящена сотворению пространства. В нем все: растения и камни, энергия далеких миров и дыхание нашей планеты, в нем — рождение, любовь и смерть человеческого младенца...

Детдомов, как госпиталей!
Страна сирот и инвалидов.
Отец, отец! Душа в обиде —
мне было горько на земле.

Я и поныне, как упрек.
Хотя не требую участия.
Меня не пугают на пороге,
как нищету в доме, где счастье.

Сиротство тянется сто лет.
Испуг мой — в третьем поколении.
Мне — дома нет! Мне — крова — нет!
И срока нет для избавления.

Сиротство множит цель утрат,
и цель солдат, и судеб сходство.
Отец, отец! Ты виноват
в моем наследственном сиротстве.

Вот такая, на первый взгляд, будто даже надрынная мелодия вечного сиротства. И только одному поэту ведомо, каким образом из нее вдруг рождается нежный и чистый звук колыбельной Отца Земли. Колыбельной по-матерински ласковой, любовной, жаляющей:

Парни в серых рубашках,
воротник нараспашку,
в душевых испугавшись,
в заводских душевых,
на сиденьях трамвая,
будто ветры стихают,
баю-баюшки-баю,
после смен огневых.

А девчоночки нервно
и сердито вздыхают:
«Увы, кавалеры
место не уступают»
Но с улыбкою талой
погружаются в сон
виновато-усталый
колыбельный вагон.
А водитель трамвая
в микрофон напевает:
«Домны, ДОК, Луговая,
баю-баюшки-баю».
И заводы стихают,
и цветы расцветают,
и проспекты встречают
колыбельный трамвай.

«Колыбельный трамвай» — самое любимое мое стихотворение из первого сборника Риммы Андрияновны «Четыре окна», вышедшего в 1978 году в издательстве «Современник». В том же сборнике — стихотворение совсем иного плана, иного измерения: это извечный и страстный зов женщины:

Был голос искренне невинный:
— Скажите, в чем моя вина?
Я — половина, половина,
но почему же я одна?

Разрежьте яблоко — погибнет,
орешек прогнет до дна.
Я — женщина, я — половина,
я не умею быть одна.

Кого глазами ищут гости,
сочувственно кивая мне,
и за кого вбивают гвозди
я в щель на лопнувшей стене?
А вы, мужчины, в самом деле,
взлелеявшие всю страну, —
как вы, всеисильные, посмели,
оставить женщину одну?

И для чего назвали сильной?
И для кого же я сильна?
И чью, скажите, половину
я за двоих несу одна?

Услышите сердцем эти пронзительные строки. Разве они — всего лишь о женском одиночестве?...

Тот, кто хотя бы раз бывал на встречах с поэтессой Риммой Дышаленковой, на себе испытал магию ее стихов. Какими зримыми, объемными становятся стихотворные строки и поэтические образы, как раскачивают они пространство вокруг! А как поэтесса владеет аудиторией вне зависимости от того, кто сидит в зале: мужчины или женщины, пожилые люди или дети. С мужчинами она говорит, как мать, как женщина, с женщинами, как сестра и подруга, с детьми — как мать, бабушка-сказительница, добрая фея, которая в силах раскинуть над их головами свой укрывающий от беды плат.

— А где ваши аплодисменты? — говорит она совсем еще маленьким ребятишкам. — Разве вы не знаете, что в старые времена бабушки и дедушки хлопанием ладони о ладонь разгоняли нечистую силу, злых духов, чтобы те не вредили людям? Они все уголки дома охлопывали, чтобы нигде нечисти не осталось. Ну-ка, давайте все вместе прогоним из этого зала все злые силы, где бы они не притаились, даже под самой постройкой...

И первая начинает хлопать. И ребятига живо откликается на предложенную игру: хлопает, пока ладошки не покраснеют.

Интересно, знают дети,
что такое самоцветы?
На Урале проживая,
знают дети или нет,
что волшебным называют
каждый камень самоцвет?

Тот, кто любит аметист,
дружбе верен, сердцем чист.
Кто силач и богатырь,
носит камешек-сапфир.

Кто секрет хранить умеет,
кто таинственно молчит,
тот всегда понять сумеет
камень ящерок и змеек —
темноглазый малахит.

Самоцветный камень красный,
будто ломтик ветчины,
это главный камень — яшма —
сердце сказочной страны.
Красный яшмовый узор —
красота Уральских гор,
будто в чаше, в этой яшме
воды чистые озер.

На закат похож гранат,
на восход похож агат,
эти камни в ожерельях
силу солнышка таят...

На Урале самоцветы,
самоцветен весь Урал.
Я хочу, чтобы об этом
ты немного трезе знал.

Однажды мы допоздна переговорили в уютной и-ю-особому красивой Римминой квартире и разошлись спать перед самым рассветом. А утром, провожая меня на работу, Римма сказала:

— Ты извини, мне так и не удалось уснуть. Зато смотри, что я пронес с тобой написала:

Сегодня полночь не одна,
сегодня чьи-то именины.
В гостях — Астролог и Луна,
стихи, свеча и Валентина...

А теперь слово об Александре Павлове

И вот я дома, и в глазах сверчки,
от всех событий снова, как во сне.
Сыннишка спит и кажет кулачки,
Конечно мне, кому же, как не мне.

Вот так увидешь: все дела, дела...
В заботах и трудах настолько тесно,
что возвратиться — свадьба в три стола,
а сын побрился и привел невесту.

Я сяду на углу: налейте мне
стакан граненый свадебного зелья.
Я был куда как в дальней стороне,
возможно, ради этого веселья.

Свою любовь я не транжирил, нет,
я нес ее, как раненую птицу,
сквозь тьму соблазнов и сомнений свет,
боясь заледенеть и оступиться.

Я снова дома. И в моем углу
опять светло и неприкосновенно.
И солнышко гуляет по столу,
и бумагах увязая по колено.

Это стихотворение я впервые прочла в сборнике Александра Павлова «Сверим время» (Москва, изд-во «Современник» - 1983 г.). И, вероятно, чисто по-женски выделила его из всех — за некрикливую мужскую силу, отцовскую суровую нежность, доброту и надежность. А до того еще в сборнике «Пологий свет» Южно-Уральского издательства (1982 г.) по тем же меркам выбрала для себя такое стихотворение:

Свет луны колдует на стене.
Отчего не спишь, скажи на милость?
Резко дочка вскрикнула во сне —
видно, что-то страшное приснилось.

Так уж, брат, устроен человек:
память с кулачок еще, наверно,
а едва-едва раскручен век,
а его уже тревожат гены.

Память прорастает сквозь века,
слышится отчетливо молитвы —
будет сеча зла и велика...
А туман клубит над полем битвы.

Память твердо подвела коня,
шлем надела, обняла кольчугой,
током кровь ударила в меня,
криком в горле изошла, и чудо —
вон мечи!

Судьба, благослови!
День высок, убийственна работа.
И успех замешан на крови,
словно хлеб на просолони пота.

Взмах руки — и снова боль во мне,
острие в живое погрузилось...
Резко дочка вскрикнула во сне —
видно, что-то страшное приснилось.

Сейчас, когда Александр Павлов работает у нас в редакции, мы уже не раз слышали, как он поет свои стихи, негромко

подыгрывая на гитаре... Чаще всего — именно вот эти: про сыннишку, что кажет во сне кулачки, и про спящую при свете луны дочку...

Поэт Василий Федоров когда-то совсем еще юного Павлова называл надеждой поэтической России и «носился» с Сашиним талантом, как нежель бы тот был его родным сыном. Такое отцовское чувство к молодым талантам у маститых поэтов возникает крайне редко. Видно, Александр Павлов очень сильно поразил воображение Федорова. И было чем. А это означает, что молодой магнитогорец, потомок уральских казаков Павлов давно уже мог перебраться в столицу и «сделать» поэтическую карьеру.

Но Саша остался в Магнитке. И потому, шагая на коксохим, на металлическом транспаранте вы и сейчас прочтете строки из его стихов. Я не думаю, какие именно эти строки, но, наверное, это и не важно. Важнее то, что строкам этим можно верить: в своей поэзии Александр Павлов честен и добр так же, как и в жизни:

У подножья Магнитной горы,
на окраине, дымом повитой,
жил и рос я — не знал до поры
удивительной силы магнита.

А сегодня душа по весне
на долину взглянуть захотела,
где дымит сквозя протаявший снег
заводское горячее тело.

Где притихший окраинный дом
полон жизни спокойной и новой,
где с хребта кувыркается гром,
рассыпаясь в степи васильковой.

Как бы жил я от дома вдаль,
если б все это было забыто,
если б сердцем не чуял земли —
удивительной силы магнита.

У каждого из нас, любящих поэзию, есть свои задушевные поэты, и в книгах этих задушевных поэтов — свои, по-особому любимые стихи. Моему сердцу в творчестве Александра Павлова дорожке всего именно внутренняя сила, глубинная, ненавязчивая образность, как бы даже прозаический строй. Вроде из обычных, распространенных в житейском обиходе слов поэт сплетает тонкий узор стиха. Я бы даже сказала так: если поэзия Риммы Дышаленковой для меня тоньше и изящнее вологодского кружева, то поэзия Александра Павлова — это художественное каслинское плетение...

Проклинаю святую наивность...
В этой горной лесной стороне
за какую такую провинность
ты свалилась на голову мне?

Я сегодня какой-то особый...
А тебе и беда — не беда.
Вот засмейся ты только попробуй,
видит бог, не прощу никогда.

Не прощу озорного лукавства,
твоего прилетевшего дня.
Отыскать бы такое лекарство,
чтобы насмерть влюбилась в меня.

Я посижу тихонько в уголке,
послушаю, что скажет мне печурка,
вздыхну — и тени нарисуют чутко
упрямый профиль твой на потолке.

Я посижу тихонько сам с собой,
я так люблю один сидеть в потемках,
когда дрова посвистывают тонко,
и зимний ветер говорит с трубой.

Я посижу...
А ты ко мне приди,
коснись ладошкой теплой гимнастерки
и, как в трамвае, подыши на стекла,
и посмотри, что видно впереди?

11 января 1995 года стал как бы символическим днем рождения в Магнитке всех поэтов, писателей и журналистов, в разные годы живших и работавших здесь. Дело в том, что в этот день в городском Центре творчества состоялись первые городские краеведческие чтения «Наследие», проходившее в рамках фестиваля «Салют, Победа!».

На секции «Литературное краеведение» — одной из четырех, работавших в тот день в Центре — было представлено несколько интереснейших литературно-исследовательских работ о жизни и творчестве магнитогорских литераторов.

Многие сегодня широко известные писатели, поэты и журналисты как бы пережили свое второе рождение на уральской земле. Демьян Бедный и М. Львов, Э. Казакевич и А. Фадеев, Л. Арагон и А. Барбюс, В. Попов и Я. Брыль, О. Адамович, А. Бек и многие другие. Благодаря литературному краеведению заново засияли в этот день имена писателей и поэтов Магнитки: Н. Воронова, Б. Ручьева, С. Мелешина, А. Лознево, В. Машковцева, Н. Кондратовской...

С днем рождения вас, литераторы Магнитки!